

венность (квантитативность)». Эти категории — Состав, Число, Зависимость, Порядок, Форма, Мера, Направление, Место (Позиция).

На первом этапе всем этим понятиям даются весьма абстрактные определения, например: «Содержательность в применении лишь к восьми основным категориям выступает как вещественность, отрицание которой не что иное как пространственность» (с. 85), — в стиле, напоминающем философские системы Шеллинга и Гегеля. Введенные таким образом категории «характеризуют некоторый реально-вещественный объект по отношению к другим вещественным объектам, при языковом обозначении — некоторое первичное («негтрансформированное») существовательное» (с. 87).

Затем, добавлением признака «процессуальности (динамичности)» — непроецируемости («статичности»), происходит умножение категорий. Введенным восьми категориям будут соответствовать еще восемь новых: так, Составу будет соответствовать Изменение, Числу — Кратность, Зависимости — Причинность, и т. д.

Далее добавляется новая пара признаков «знаковость-незнаковость» и происходит дальнейшее умножение категорий как аналогов понятий логики и психологии. Наконец, «признаками, на основании которых выделяются собственно лингвистические категории», являются «коммуникативно-ситуативность» (повидимому, непарный?) и признак «языковая (материальная) выраженность» (также непарный?). «Категории коммуникативно-ситуативности налагаются на собственно содержание предложения, формально выступая как члены предложения, заменители членов предложения, вводные слова и частицы, грамматические средства» (с. 89).

К сожалению, примеров собственно лингвистического анализа здесь же не приводится и заранее (на с. 85) сказано, что будет рассматриваться «лишь первый этап (построения модели — Ю. С., Э. Т.) как некоторое введение в рассмотрение второго этапа».

Далее, в отдельной главе (с. 116) дается описание 8 глагольных категорий — залог, переходность, время, вид, лицо, род, наклонение, число, но категории эти, как видим, вполне обычны, а примененные к их описанию признаки уже не те, что в общей части модели: здесь эти три признака — «имманентность», «предметность», «ситуативность».

Те же общие принципы, если не те же категории, применяются автором к моделированию самой лингвистики как науки — глава «Лингвистические дисциплины» и глава «Методы лингвистики». Например, лингвистические дисциплины классифицируются следующим образом:

1) пролингвистические дисциплины — лингвоакустика, лингвогеография, лингвобиология, лингвоантропология, и иной

подраздел — лингвофилософия, лингвоматематика, лингвокибернетика, лингвосомиотика;

2) аполлингвистические дисциплины — педоллингвистика, аполлингвистика (прикладная лексикология), технолингвистика, патоллингвистика;

3) перилингвистические дисциплины — палеолингвистика (на стыке лингвистики, историографии и археологии), социоллингвистика, этнолингвистика, психоллингвистика;

4) металингвистические дисциплины — история лингвистики, лингвистическая терминология, лингвистическая методология (учение о методах), лингвистическая структурология (учение о структуре лингвистики). Аналогичным образом классифицируются методы лингвистики, которых оказывается 16.

Таким путем получается весьма стройная логическая, идеальная, таксономия-классификация, «модель». Другой вопрос, насколько она близка к реальности.

Автор, например, замечает: «Ю. С. Степанов употребляемые в советском языкознании термины «методика», «метод» и «методология» сопоставляет с выделяемыми в американской (и не только в американской) лингвистике терминами «предлингвистика», «микролингвистика» и «макролингвистика», которые обозначают совершенно другие явления — области лингвистических исследований» (с. 45). Конечно, Г. Б. Джаукян прав, и сопоставление, сделанное Ю. С. Степановым, совершенно не соответствует идеальному, логическому и правильным классификациям и определениям. Все дело лишь в том, что так оно есть на самом деле. Из чего можно заключить, что наука развивается нелогично и, может быть, «неправильно». Что, впрочем, уже отмечалось, если вспомнить известные рассуждения Т. Куна о «нормальной» науке: «нормальная наука сбивается с дороги все время»¹.

Вообще, если системе Г. Б. Джаукяна и можно поставить что-либо в упрек, то лишь ее логическую безупречность.

Естественно, что наибольший успех система Г. Б. Джаукяна обеспечивает в таксономии единиц и уровней языка. С этим связаны — без преувеличения замечательные — разделы, где автор пересматривает известную систему Э. Бенвениста. В таксономии, предложенной Г. Б. Джаукяном, устанавливается только три уровня — фонематический, знаковый (слов) и словосочетание), категорематический (предложение и сочетание предложений). Из этого, между прочим, следует, что предложение не является знаком — ни «полным», ни каким-либо иным. Автор показывает совпадение в некотором инварианте парадигматических и синтагматических характеристик еди-

¹ Кун Т. Структура научных революций. Пер. с англ., 2-е изд. М., «Прогресс», 1977, с. 23.